

Юрик, как и его прадед, занимается теорией музыки, когда начинает учиться в школе искусств, живя в Америке. Там его музыкальное образование расширяется, что отражается в интермедийных отсылках (Г. Ф. Гендель, оратория «Мессия»). Однако больше всего отсылок связано с именами джазовых гитаристов, игра которых потрясла героя: Уэс Монтгомери, Чарли Берд, Джордж Бенсон, – но среди них «отдельной статьёй стоял Джанго Рейнхардт, бельгийский цыган без двух пальцев на левой руке. Он был просто непостижим и недостижим, как существо с другой планеты» [2, 435]. Именно благодаря творчеству этих музыкантов Юрик навсегда связывает свою профессиональную жизнь с игрой на гитаре.

Интермедийные связи и отсылки, которые появляются в романе применительно к образу Юрика, как видно из приведенных примеров, несколько иного характера, чем связанные с Яковом. Во-первых, они показывают постепенное взросление героя, становление его личности. Во-вторых, мы не видим миметических связей; это можно объяснить тем, что в сознании Юрика музыка живет иначе, чем в сознании его родственника: этот персонаж не анализирует ее, не фиксирует какие-то особенности, связанные с построением или тематическим наполнением, для него важнее чисто эмоциональное воздействие произведения. Кроме того, интермедийные связи вводятся по-иному в плане повествовательной организации: Яков ведет дневник, и поэтому большая часть этих связей появляется в перволичном нарративе; в случае повествования о герое от лица автора используется несобственно-прямая речь, которая формально делает повествование третьеличным, но при этом точка зрения автора и героя совпадают содержательно и эмоционально. При введении интермедийных связей, которые связаны с Юриком, Улицкая использует только второй вариант (третьеличный), при этом очевидно, что авторская оценочность по-прежнему совпадает с оценками героя.

Таким образом, в романе Людмилы Улицкой с помощью парциальных связей описывается музыкальное произведение, миметические связи кратко и точно передают своеобразие композиции, звучания, эмоциональной партитуры упоминаемых музыкальных творений. В целом интермедийные связи и отсылки являются важным способом характеристики персонажей, определяют их ценностные ориентиры, показывают жизненный путь. Кроме этого, музыка становится своего рода сюжетообразующим элементом романа, так как именно с ней связана биография представителей рода Осецких.

Литература

1. Суханова, И. А. О парциальной и миметической интермедийности / И. А. Суханова // Вестник КГУ им. Некрасова. – 2015. – № 2. – С. 119–123.
2. Улицкая, Л. Лестница Якова / Л. Улицкая. – М.: АСТ, 2015 – 731, [5] с.
3. Фатеева, Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. – М.: Агар, 2000. – 280 с.

N.Yu. Bukareva

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

e-mail: bukarevanu@mail.ru

Intermedial relationships in the novel by Lyudmila Ulitskaya

«Jacob's ladder»: verbalization of musical works

Key words: intermediality, partial and mimetic connections, intertext.

The article deals with the intermedial relations of a work of art with musical art, shows how the process of verbalization of a non-verbal type of creativity occurs in the novel by Lyudmila Ulitskaya. Partial connections give a General description of the musical object being depicted, and mimetic connections verbalize the compositional, thematic, and intonation features of a musical work. In addition, the article examines the functions of intermedial links and references in terms of the organization of the plot, narrative organization of the novel and the characteristics of its main characters.

И.В. Васильева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

e-mail: ivasi67@mail.ru

УДК 821.161.1

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА 1910–1920-Х ГОДОВ: ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ МИРА

Ключевые слова: произведения, творчество, изображение, герой, жанр.

В данной статье анализируются наиболее яркие особенности текстов русской литературы 1910–1920-х годов прошлого века, принадлежащих перу разных по своему мировосприятию и стилю писателей. Многообразие форм, тем и направлений – отличительная черта литературного процесса означенного периода, подтверждением этому могут служить произведения М.М. Пришвина, А.М. Горького, А.С. Грина, Я.М. Окунева, А.В. Чаянова.

Русская литература первых двух десятилетий XX века – явление по-своему уникальное. Как правило основанием для такого рода оценки может служить значительное число литературных направлений и их вариаций, сложившихся как на основе уже существующих, так и вновь появившихся. Однако с достаточной с большой долей уверенности можно констатировать, что феноменальность ее заключается и в совершеннейшем разнообразии тем, образов, форм и способов воплощения авторского замысла, представленных в текстах разных писателей, принадлежащих к одной исторической эпохе. Взаимопроникновение различных художественных методов, обновление литературных приемов, изменение привычных понятий – вот основные отличительные черты русской литературы этого времени. Сказы, сказки, феерии, легенды, мифы, научные открытия и фантастические мечты явились неотъемлемой частью произведений русских писателей 1910–1920-х годов. Очевидно, что причина всего этого многообразия кроется в тех общественных процессах, которые сложились в этот непростой временной период. «Распад и разрушение, с одной стороны, и ощущение возрождения, начало нового общественно-культурного этапа в творчестве, с другой,» [1, 174] – всё это явилось основой для формирования, развития и становления новой картины мира в литературе. Стоит также отметить, что важную роль в этом процессе сыграл, оформившийся в этот период в самостоятельное направление, неоромантизм, одно из наиболее сложных с точки зрения определения явлений искусства слова.

В рамках данной статьи не представляется возможным осветить всё многообразие форм, образов и стилей, присутствовавших в литературе 1910–1920-х годов, поэтому остановимся на тех, которые, по нашему мнению, представляют ее наибольшую феноменальность. Ярчайшим произведением первого десятилетия XX века представляется повесть-сказ М.М. Пришвина «У стен града невидимого» («Светлое озеро»), созданная в 1909 году после путешествия писателя к озеру Светлояр, на дно которого по преданию опустился Китеж град спасаясь от разграбления войсками Батюга. Сразу обращает на себя внимание форма подачи материала, в которой реальность пересекается с вымышленным, быть соседствует волшебством и условно-символической картиной мира, а все вместе эти элементы создают уникальное художественное пространство, позволяющее прорваться из времени в вечность. Образ невидимого града не столько обращение к историческому прошлому, сколько стремление найти ответ на вопрос о том в чем заключается истинный жизненный смысл человека, а также попытка заглянуть в будущее своей страны, находящейся в поиске. «Я верю в него, Китеж есть» [5, 431] – пишет М.М. Пришвин, главное это «не унимать духа» [5, 473]. Переосмысление и интерпретация данного образа и сюжета дает возможность создания вневременного пространства, объединяющего в себе символику и реальную действительность, воплощающую сложную картину современного писателю мира.

Такая же душевная неуспокоенность присуща и творчеству А.М. Горького. В цикле «Сказки об Италии», относящемся к 1911 году, жанр народного творчества появляется уже в заглавии, но, по сути, не одна из частей цикла не может являться сказкой в буквальном понимании смысла слова. Мы не увидим здесь волшебства, мгновенных превращений, необычных персонажей, писатель рисует вполне реальные картины жизни обычных людей. Фактически перед нами вновь сказка-быль, форма, которая вероятно по мысли и М.М. Пришвина и А.М. Горького наиболее точно воплощает нравственно-символическую картину мира, где реальность событий соседствовала со сказочной и одухотворенной природой, а добро со злом. Выбор жанра, а также его интерпретация и являются своеобразной особенностью авторского мировосприятия действительности. Не случайно поэтому и эпиграфом к циклу из 27 сказок были выбраны слова Г.Х. Андерсена: «Нет сказок лучше тех, которые создает сама жизнь» [2, 5].

Сильные и мужественные характеры один за другим появляются перед читателем на страницах цикла, но это отнюдь не сказочные волшебники или сверхъестественные герои, а простые труженики, честно выполняющие свой долг, думающие о счастье не столько для себя, сколько для таких же, как и они, мирных жителей в любом уголке мира. Необходимо отметить, что интерес писателя, который так подробно рисует картину жизни солнечной и теплой Италии, на самом деле более широк и охватывает межэтническое и межкультурное пространство. Не случайно практически одновременно со «Сказками об Италии» А.М. Горький пишет «Русские сказки», тем самым реализуя свою художественную концепцию мира. Важную роль в этом играет и разного рода символика, органично наполняющая итальянские истории. Особенно бросается в глаза цветовая палитра: зеленый, голубой, красный и желтый, приближающийся к золотому, это те краски, которыми расцвечено произведение А.М. Горького. Все они несут важный нравственно-психологический смысл, привнося в текст христианские мотивы.

«Сказки об Италии» М. Горького – «это картинки действительной жизни», на которых предстаёт образ народной души во всем его портретном многообразии, присущий по мысли самого Горького любому народу, а русскому в особенности.

Еще более своеобразно изображение картины мира в произведениях А.С. Грина, писателя, имя которого до сих пор окутано тайной, а творческий метод представляет собой синтез реализма, неоромантизма, мистификации, фантастики, сказки. Из всего многообразия произведений писателя, мы ос-

тановимся на небольшом рассказе «Крысолов», написанном в 1924 году. Своеобразие этого текста заключается прежде всего в том, что древняя легенда о дудочнике-крысолове интерпретирована согласно современным реалиям, а также сразу несколькими разнородными национальными художественными традициями. «Грин, как художник-романтик, наследует романтическое видение мира, а как писатель XX века – усваивает по-своему реализм XX века, романтизм молодого Горького, искания русского символизма и акмеизма» [3, 121]. А.С. Грин, как и его предшественники М.М. Пришвин и А.М. Горький, повествует о вполне реальных событиях. Более того его герой живет не в дали от России или ее столиц, в самом центре – в Петрограде. На первый взгляд, ничего необычного или сверхъестественного с ним также не происходит, однако, как это часто бывало в петербургских текстах, неожиданно мир вокруг героя меняется, наполняясь мистикой и таинственностью, где вдруг неожиданно начинает звонить давно молчащий телефон, а крысы, обитающие в пустом доме, оказываются порождением метафизического зла, в основе которого лежит способность манипулировать человеческими чувствами и ощущениями. Писатель весьма органично использует фольклорный материал для характеристики современного ему мира, наполняя его многогранным смыслом. Общим для всех трех писателей является их интерес к внутреннему миру, стремление через определенные образы-символы передать всю сложность и неоднозначность современной жизни.

Новым этапом изображения мира, но уже грядущего и уже теперь вполне сказочного становятся произведения Я.М. Окунева «Грядущий мир» и А.В. Чайнова «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии». Общим между этими двумя текстами становится желание их авторов заглянуть в будущее и представить возможный вариант нового совершенного во всех отношениях общества.

В 1920 году А.В. Чайнов публикует свое достаточно необычное произведение, наполненное утопическими для того времени мечтами о будущем, Я.М.Окунев в 1923 году продолжает эту тему, давая достаточно емкую характеристику новой литературной форме, активно входящей в литературный процесс советской эпохи: «Всякая утопия намечает этапы и вехи будущего. Однако, утопист – не прорицатель. Он строит свои предположения не на голой выдумке. развивает воображаемое будущее из настоящего, из тех сил науки и форм человеческой борьбы, которые находятся в своей зачаточной форме в настоящее время» [4, 89]. Оба автора в своих произведениях создают новый, совершенно неизвестный доселе мир. И если у Чайнова будущность от реальности отделяют всего 60 лет, то у Окунева это уже промежуток в два столетия. Для нас, живущих в XXI веке, все то, что описано в этих обоих текстах абсолютно естественно и привычно. Для читателей же начала 20-х годов XX века все те технические и социальные новшества, с которыми сталкиваются герои представляются совершеннейшей фантастикой.

Электрический свет на улицах, воздушные корабли, постоянно бороздящие воздушное пространство, средства связи наподобие современных сотовых телефонов и многое другое для тех, кто еще совсем недавно видел на улицах лишь гужевой транспорт, а свое жилье освещал лучиной, представлялось сказочным и совершенно невероятным. Однако, изображая, казалось бы, совершенно счастливых людей, и Чайнов, и Окунев демонстрируют нам глубоко одиноких и страдающих персонажей. Мир, в котором они вынуждены существовать обездушен и безжизненен, он давит на героев, поэтому главным для создания образа мира для них, как и для Пришвина, Горького и Грина оказывается постижение и осознание духовно-нравственных ориентиров.

Итак, можно сделать вывод, что своеобразие изображения художественного мира в первые десятилетия XX века имело свои отличительные особенности и стилистику.

Литература

1. Васильева, И.В. Своеобразие «сказочного мира М. Пришвина / И.В. Васильева // Михаил Пришвин и XXI век материалы: сборник всероссийской научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения писателя; ответственный редактор: Е.Т. Атаманова. – Елец, 2013. С. 174-178.
2. Горький А.М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 10./ А.М. Горький.- М.: Изд-во Художественная литература, 1951. - 150 с.
3. Загвоздкина Т.Е. Романтическая мифологизация в творчестве А. Грина (от новеллы к роману)/ Малые жанры в русской и советской литературе./Т.Е. Загвоздкина.- Киров: Изд-во университета, 1986.- 140 с.
4. Окунев Я.М. Грядущий мир. Катастрофа. / Я.М. Окунев.- М: Изд-во Salamandra P.V.V., 2013.- 89 с.
5. Пришвин М.М. Собр соч. в 8 томах./ М.М. Пришвин.- М: Изд-во Художественная литература, 1982. - Т.1, 405 с.

I.V. Vasilieva

Moscow State University named after M.V. Lomonosov
e-mail: ivasi67@mail.ru

Russian literature of the 1910–1920 s: features of the image of the world

Key words: works, creativity, image, hero, genre.

This article analyzes the most striking features of the texts of Russian literature of the 1910–1920s of the last century, which belong to a pen of different writers in their worldview and style. The variety of forms, themes and directions is a distinctive feature of the literary process of the indicated period; the works of M.M. can serve as confirmation of this. Prishvina, A.M. Gorky, A.S. Green, Y.M. Okuneva, A.V. Chayanova.